

Записки старого хрыча(зачеркнуто) врача

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Копылов Михаил
Копылова Наташа

**Михаил Копылов
Наташа Копылова
Записки старого
хрыча(зачеркнуто) врача**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69711721

SelfPub; 2023

Аннотация

Мемуары пишут нынче все, но читателей стало заметно меньше пишущих. Но докторские рассказы любят даже доктора, тем более речь идет о такой области как психиатрия. Есть еще одна часть книги – о том, как мы жили до того как в 1990 году приехали в Израиль. Я постарался сделать эту книгу легкой и по возможности смешной.

Содержание

Первое предисловие	4
Второе предисловие. Коза доктора Барнарда	8
Профмаршрут	11
ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ПСИХСАРАЯ	31
Как мы там работаем	34
Как я ехал на работу	41
Словно лесной пожар	42
Народная галлюцинация	45
Откуда у парня симтаотская грусть. Часть первая	48
Оттуда у парня симтаотская грусть. Часть вторая	50
«Чего тебе еще надо?»	52
Письмо сосалу	56
Ненавижу, когда считают, что «доктору нужно говорить всё»	57
Конец агента	59
О лекарствах	63
Фотосенситивная бабка	69
Добро всегда побеждает зло	70
Ап	78
Аллах Акбарыч	80
Симтаот – это фирма	84
Политические страсти провинции	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Наташа Копылова, Михаил Копылов Записки старого хрыча(зачеркнуто) врача

Первое предисловие

Сначала хочу рассказать о том, зачем я всё это пишу. Итак, небольшая предыстория.

Когда-то, в самом начале семидесятых, я был молодым доктором, а выглядел еще моложе и очень этого стеснялся: молодой – значит, неопытный. Для врача молодость – фактор скорее отрицательный. Постепенно став не очень молодым доктором, я приехал в Израиль – естественно, безъязыкий и профессионально неполноценный. Пришлось учиться, учиться и еще раз учиться – мне кажется, даже больше, чем в свое время «завещал великий Ленин».

Брехт писал: «А когда я всему научился, я понял, что это не всё». В определенный момент мне стало скучно. Когда мой профессиональный стаж сравнялся со стажем рыбака из сказки Пушкина, я почувствовал, что мне всё осточертело – осмотры, рецепты, беседы с родственниками пациентов. А

до пенсии оставались годы и годы!

Итак, ущемленный рутинной, я занудно плакался своим коллегам по работе, но плакался своеобразно, в своем привычном стиле – молотил полную хрень с физиономией игрока в покер. Например, в начале рабочей недели на вопрос «как дела?» я отвечал, что «дела у меня идут замечательно, и я чувствую, как в моих жилах словно лопаются пузырьки шампанского от переполняющей меня радости бытия – сколько я смогу сегодня посеять разумного, доброго, вечного!»

Когда до сослуживцев дошел наконец смысл сказанного, один из наших психологов определил, что у меня «экзистенциальный кризис» (какое красивое понятие!), и в терапевтических целях велел мне сублимироваться. Что это такое – «сублимироваться»? Ну, скажем, разлюбила парня девушка, а он не спился, не уехал на стройку в Сибирь или в Эйлат, а написал красивое грустное стихотворение, и весь пар любви ушел в гудок стиха.

Не имея никаких особых талантов, я стал мучительно искать пути для творческого самовыражения. Может, путь к сублимации лежит через хобби?

А какие у меня хобби? Ну, люблю я книжки читать, курить трубку, переписываться по электронной почте. И еще я очень люблю кошек. Я даже написал про них коротенький рассказ, – но на этом дело застопорилось. И, несмотря на прирост кошачьего поголовья в нашем доме, протекавший

не всегда гладко («были схватки», я бы не сказал, что «боевые», но достойные описания), – казалось бы, смотри на любимых зверей и записывай то, что видишь, – писать об этом мне расхотелось.

Короче, кошачья тема «не пошла».

Были и другие попытки – в стиле «что вижу, то пою».

Тем не менее кошки, а вернее – интернетовский «кошачий» форум подкинул мне замечательную тему. Кто-то открыл на форуме рубрику «Как мы жили», и тут воспоминания о любопытных (и не очень) деталях и сценах моей прошлой жизни, что называется, «пошли косяком». И ведь как удобно – если традиционно представить нашу жизнь как дерево, то жанр «вспомнилось – записалось» – просто находка для меня! Можно спокойно гулять по стволу древа жизни, а можно прыгать с ветки на ветку, с листка на листок.

Замечательное достижение человеческого разума – компьютер – дает возможность свободно обращаться с текстом: где-то сократить его, что-то добавить. Компьютер, эта гениальная машина, специально создана для таких лентяев-графоманов, как я.

Короче, если вы думаете, что я просто так стучу по клавишам компьютера, вы неправы. Я лечусь.

Воспоминания пишут все кому не лень и те, кто перевалил определенный возрастной рубеж (у каждого – индивидуальный). Говорят, желание писать мемуары – это признак приближающейся старости. И вроде особенно интересного и

вспомнить было нечего – каких-то исключительных событий в моей жизни не было...

И заранее прошу меня извинить за весьма относительное соблюдение хронологии. И за некоторые повторы в тексте.

Второе предисловие.

Коза доктора Барнарда

Все любят докторские рассказы, даже сами доктора. Иногда они напоминают рассказы охотников – особенно байки «скоропомощников». Рассказу полагается иметь хороший конец – слушатель представляет себя на месте больного: вот было мне так же плохо, как в этом рассказе, но тут приехали, спасли и так далее. Те, кто остался недоволен оказанной помощью, часто любят помянуть клятву Гиппократата, которую как-то называли клятвой Геракла (это я цитирую рассказ давнишнего моего друга, доктора из города Богородска, – ему попеняли Гераклом). Что касается меня, то я давал присягу врача Советского союза, и, поскольку Союза больше нет, то получается, что я свободен от клятв. Может, поэтому кое-что из написанного покажется вам циничным. Бывает и такое.

Когда-то я написал книжку, которая вышла колоссальным тиражом в 52 экземпляра и стала бестселлером у 52 человек. Называется она «Репортажи из психсарая». А теперь я хочу кое-что из этой книжки переписать, как-то ее дополнить – словом посмотрим, что получится. Есть и еще одна проблема: теперь пишут все и обо всем. Читателей катастрофически не хватает, а вот писателей хоть пруд пруди.

Но прежде всех моих историй я хочу рассказать о козе. А почему именно о ней – прочитайте и поймете. Эта история – очень короткая и единственная из всех правдивая, потому что все остальные мои истории – просто врачебные байки, и всякие совпадения с реальными событиями и лицами совершенно случайны.

Итак, история про козу и ее спасителя.

Как-то у Кристиана Барнарда, великого хирурга, спросили: сколько жизней он спас? Напомню, что именно Кристиан Барнард в 1967 году сделал первую пересадку сердца. Начал он работать в глухой южноафриканской провинции семейным врачом еще в допенициллиновую эпоху.

Как-то позвали его ночью к больному пневмонией. А тогда пневмония протекала совсем по-другому – главное было пережить «кризис». Потом уже антибиотики всю эту клиническую картину изменили.

Так вот, Барнард лечил больного как умел, а состояние его все ухудшалось и ухудшалось. Тогда родственники больного посоветовались с шаманом, и тот рекомендовал вернуть больного в шкуру свежееубитой козы. Терять было нечего – коза так коза. Но Барнард попросил подождать еще чуть-чуть – вдруг кризис пройдет? И действительно, кризис прошел, больной раздышался, порозовел – словом, опасность миновала.

Было уже утро, когда Кристиан Барнард вышел от больного и увидел привязанную за веревку к колышку козу. «Ко-

за! – сказал Бернад, – я спас твою жизнь!» И добавил: «Вот в этой спасенной мной жизни я уверен!»

А теперь задание врачам: давайте посчитаем наших коз.

Профмаршрут

Посвящается моему старому другу доктору Илье Лиснянскому, вовремя вправившему мне мозги.

Страх перед экзаменами – явление повсеместное. Есть даже специальный университетский курс, обучающий как справляться с этим страхом.

Но я на этот курс не пошел несмотря на то, что подступающий экзамен вызывал не просто страх, а настоящий ужас.

«Миша, доведи меня до той комнаты, где экзамен сдают», – как-то попросила меня впавшая в прострацию и невменяемость экзаменуемая.

Так что же это за вызывающее страшные бури испытание? А попросту – решается твоя судьба. Без риторических преувеличений.

Сдал – ты врач-специалист. Не сдал – человек с медицинским дипломом. Доктор, конечно, но с очень ограниченными возможностями найти работу.

Когда мы в 1990 году приехали в Израиль, я довольно плохо представлял себе, с чем придется столкнуться на пути своей профессиональной реабилитации. Знал, что надо сдавать какой-то экзамен, и всё. В 1989 году ввели экзамен для получения права на медицинскую практику, о нем-то я и был наслышан. И долгое время считал, что страшнее этой кошки зверя нет.

Я очень завидовал тем, у кого было 20 лет стажа – им автоматически давали эту самую лицензию и к тому же звание мумхэ (специалиста). Мне же с своими жалкими 14 годами стажа предстояла длинная-предлинная дорога к этим заоблачным далям.

Можно привести две примитивные аналогии того пути, который мне необходимо было пройти. Например, можно использовать исторические аналогии средневекового цеха – Ученик, Подмастерье, Мастер. Получив лицензию на работу (а для этого тоже нужно сдать непростой экзамен), ты становишься Учеником – в том месте, где тебя примут на ученичество. Потом ты сдаешь первый, письменный экзамен посередине своего ученичества – и ты уже как бы Подмастерье. В конце пути – последний, устный экзамен перед комиссией. Сдав эти три экзамена, ты становишься Мастером, специалистом (мумхэ). По-английски – «сеньором», у нас это слово произносят с ударением на первом слоге. Мумхэ параллельно преподает студентам и делает научную работу – един во всех лицах.

Другая аналогия – на языке книг и фильмов про лихие девяностые, получается еще интереснее и, главное, нагляднее.

После института ты получаешь ксиву – ришайон. И мы, получившие дипломы за границей, как бы считаемся только что окончившими медицинский факультет, но еще без права на медицинскую практику – в Америке это право называется «лайценс», а у нас «ришайон». Применительно к уголов-

ной среде – ты просто мелкий воришка с первой ходкой в зону. Потом поступаешь на специализацию, сдаешь первый экзамен – алеф – и ты будто из «шестерки» превращаешься в солидного вора. Но только сдав второй экзамен – бэт, – ты превращаешься в вора в законе: специалиста по психиатрии, терапии, хирургии.

Я – психиатр в законе, если можно так выразиться. Наш сын пошел дальше отца и стал профессором медицины. Невестка – педиатр в законе.

На этом уровне мне как психиатру разрешено давать акты освидетельствования в суд, армию, для завещания, на вменяемость и пр., вести студентов, и пр.

Можно объяснить это и на российском новоязе. Кажется, на нем это называется «сертифицированный специалист».

И то, что всю эту молотилку/мясорубку мне как-то удалось пройти, не говорит моем героизме, так как он сходен с героизмом по приказу 227 от 28 июля 1942 года – «Ни шагу назад!». То есть когда сзади заградотряд с пулеметом, то можно и в атаку сходить.

Мой «заградотряд» – это мои, как это ни покажется странным, лень и отвращение к физическому труду. Которым пришлось бы заняться, случись мне не сдать экзамены.

А теперь немного повторюсь.

Самый-самый первый экзамен в начале пути к лицензии был по американской системе – четыре утверждения, одно из них правильное, или два из них правильные, или все че-

тыре, или одно неверное. Проводился он на русском языке. В 1990 году в Израиль вместе со мной приехало еще 5999 врачей, итого нас было 6 тысяч. Для нашей подготовки при больницах были созданы курсы, и я на них ходил. И хлопал ушами, поскольку надо было сдавать ВСЮ медицину, а точнее – терапию, хирургию, гинекологию, психиатрию и детские болезни. Все эти темы фигурировали в экзаменационных вопросах.

Ну, мы, конечно, начали возмущаться, я имею в виду основную массу врачей, и вместо того, чтобы учиться, мы стали протестовать и требовать, чтобы экзамен отменили, так как мы и так компетентные, а кто не верит, пусть сразу пошлет нас в клинику, где мы и покажем, на что мы способны. Создали, разумеется, свою организацию, ходили на демонстрацию к Кнессету – словом, играла в нас митинговая демократия раннеперестроечного периода, бурлила и шумела, как вода в унитазе.

Интересно, что сейчас повторяется практически то же самое с врачами, учившимися за границей, – те же протесты, те же слова, те же лозунги и крики о том, что этот экзамен сдать невозможно.

Короче, первую ходку на этот экзамен я провалил и утверждал, что мне в возрасте под сорок его вообще не сдать.

Но, на мое счастье, я был отловлен моим приятелем еще по «той» жизни, который только что этот экзамен сдал. Это был Илья Лиснянский, мой друг, знакомый мне ещё по

Москве. И усадил он меня за стол, и стал я учиться (а я еще и работал – книги в библиотеке по полкам расставлял). И велел он мне книги по медицине читать по-английски, сказав, что это вовсе не страшно и вполне доступно. И стал я по-английски читать. Короче, в декабре 1991 года я получил эту самую лицензию. А не встретить я старого друга – неизвестно, как сложилась бы моя судьба.

Но! Это дало мне только право заниматься медицинской практикой – не более того.

И стал я искать место для ученичества. А, как я уже писал, понаехала нас чертова уйма: когда такси привезло меня на экзамен для получения «ришайона», таксист аж ахнул: «Это всё врачи?» Сдавало одновременно, наверное, около двух тысяч человек. Действительно, редко увидишь такое количество врачей сразу. Сидящие, стоящие, лежащие на травке, жующие люди. И все – врачи. И все дрожат от страха. Но настоящий страх был еще впереди – последний, заключительный экзамен. А до него было еще ой как неблизко, потому что для того, чтобы стать «в законе», требовалось:

Отработать пять лет по специальности, в которые входят:

- работа в закрытом отделении;
- работа в открытом отделении;
-

полгода в неврологии;

•

год в поликлинике;

•

научная работа с публикацией в журнале.

Сдать два экзамена:

•

Первый – письменный – по американской системе, спустя половину срока, то есть через два-три года.

На иврите.

•

Второй экзамен – окончательный. Устный. В него входят:

–

вопросы по психиатрии – берешь билет и сразу отвечаешь;

–

клиническое интервью – приводят больного, 45 минут на беседу и клинический разбор случая;

–

неврология – три маленьких вопросика;

–

психотерапия – ты представляешь два реферата: «короткий» и «длинный» о двух твоих психотерапиях.

Они могут быть динамическими, поведенческими – какими угодно.

Завалил любую из частей экзамена – приходи через год снова.

Вот такой путь.

К слову, сейчас этот экзамен стал еще сложнее.

От природы я наделен весьма средними способностями ко всем наукам, включая языки. Но как-то вызубрил классическое руководство Каплана (это учится почти наизусть), кучу всякой литературы по психотерапии – от Фрейда до Коута и далее – и руководство по «Неврологии для дураков» Кауфмана (на самом деле это книга – руководство для психиатров).

Попутно меня как-то уволили, и я работал медбратом – без диплома медбрата, «подпольно». Уволили довольно противно и по-хамски, сказав, что я никогда не сдам никакие экзамены, что мне «слаб» и, по Высоцкому, я «никогда не стану майором»!

А уволили меня из замечательного места, где сестры с видимым наслаждением хамили прямо в глаза.

Один из заведующих отделением рассказал мне, что потратил на свою психотерапию 40 тысяч долларов, и только благодаря этому он адаптирован к жизни. Судя по тому, что даже длительный курс психоанализа не смог заставить его не кидать в сотрудников тяжелые предметы (попадал он всё же в стенку, а не в человека, – оставалось радоваться тому, что

он не учился гандболу), то у меня не хватало воображения представить себе моего старшего коллегу нелеченым. Видимо, его просто было нельзя спускать с цепи.

Незадолго до первой моей ходки на устный экзамен я пошел к колдунье – вернее, был отведен к ней женой. Сам я уже готов был идти куда угодно и просить помощи хоть у дьявола – подвернись он мне, точно заложил бы душу, не задумавшись ни на секунду.

Лицо колдуньи я помню плохо – женщина как женщина.

Она выдала мне колдовское оружие победы – один предмет фаллической формы, который надо было держать в кармане штанов, и второй – нечто, завернутое в промакашечьей консистенции бумагу с запахом мочи, забытой в ночном горшке на неделю. Второй предмет надлежало держать у сердца, строго определенным концом вверх, и с ним ни в коем случае было нельзя входить в туалет. Таким образом, помещенный в нагрудный карман рубашки волшебный предмет отчетливо вонял оттуда, а чтобы посетить туалет, мне требовалось раздеться до пояса.

Но обереги – и фаллический, и пахучий – меня не спасли. На экзамене мне стало плохо, и я попросил у экзаменаторов выйти в туалет, уже не обращая ни на что внимания, и исчез там надолго. По просьбе моей жены я был извлечен оттуда ассистентом, помогавшим на экзамене.

Выйдя на свет, к дальнейшему употреблению я был совершенно непригоден и отправлен в приемный покой. Ско-

рее всего, у меня, говоря медицинским языком, была паническая атака. Это – совершенно не опасно, но очень противно.

Если бы у меня что-нибудь действительно сломалось внутри, мне бы полагалось отдать концы – так мне было скверно.

Но мое позорное бегство с экзамена проблемы не решило – сзади стоял всё тот же «заградотряд» под названием «безработица».

Надо было снова идти на этот экзамен.

И я пошел к психотерапевту. В конце концов, у колдуньи я уже был...

Моей сверхзадачей было на следующем экзамене избежать паники ощущений первого экзамена. Денег моя психотерапия стоила кучу, но оно того стоило – я научился расслабляться, и, хоть я и провалил этот экзамен второй раз, но хотя бы не уехал с него прямиком в приемный покой.

Именно на втором экзамене я погорел на любви. Ей действительно все возрасты покорны! Экзаменовали меня две тетki, обе помоложе меня и, видимо, в лично-семейной жизни не очень успешные.

Они спросили меня: «Что главное в семейных отношениях?»

Самое интересное, что я незадолго до экзамена читал на эту тему основательную статью – но ни авторов, ни даже на каком языке она была, я не помнил. А дело шло к концу эк-

замена – к тому времени я заливался соловьем уже четыре часа не переставая, и тут почувствовал, что еще два-три вопроса – и я не смогу назвать свои основные паспортные данные: имя, год рождения и даже пол.

В статье доказывалось, что самое главное – это взаимопочтение и терпимость, а вовсе не любовь. И о любви я не сказал ни слова. Услышав мой ответ, одна из теток подняла на меня грустные глаза и с придыханием спросила: «А любовь?», а вторая в такт ей закивала.

Я четко помнил, что как раз ценность любви в статье подвергалась сомнению, к тому же всё-таки это были не выпускные экзамены по литературе, на которых я раскрываю образ Наташи Ростово́й.

Короче, я пострадал от любви.

Но я нарушил последовательность событий, сразу переключив к заключительному экзамену – устному, а ведь ему предшествовал экзамен письменный.

Это была та же игра в вопросы и ответы, только уже не на родном языке, как при получении «ришайона», а на иврите. И конечно же, этот экзамен тоже прошел у меня с некоторым скрипом.

К концу экзамена – по той самой потогонной системе: минута на вопрос/ответ и так 150 раз, – я уже ни хрена толком не видел. Как потом выяснилось, моя близорукость, увы, частично сменилась дальновзоркостью, и пора было заводить себе бифокальные очки, которые я называл «мишкафей зик-

на». На русский это выражение переводится приблизительно как «очки прощай, молодость».

Моя будущая руководительница из города С. (см. рассказы про город С.) встала посреди этого экзамена, вся красная от гнева, и громко закричала: «Что это такое? Кофе не дают! В туалет не пускают!» – выбила дверь и вышла вон, на этом закончив свое так и не начатое психиатрическое образование.

Приятель и коллега, который сдавал экзамен вместе со мной, по его окончании решил подбросить меня до дома, и каким-то образом мы с ним угодили из Тель-Авива в Латрун вместо Ашдода – это сложно, но при желании осуществимо, – словом, до дома я добрался нескоро. А всё от того, что в головах наших было пусто, а во рту присутствовал вкус медной пули. Спустя где-то месяц я получил ответ, что экзамен этот я не прошел.

И вновь я засел за вопросы и книги, как вдруг, уже в декабре (а экзамен был в июле), я снова получил письмо из министерства здравоохранения – оказывается, что-то там пересчитали и в результате пересчета выяснилось, что экзамен этот я всё-таки сдал. Это был 1996 год.

В принципе, конечно, плох тот солдат, у которого в ранце нет маршальского жезла, но, когда я впервые настолько понял иврит, чтобы осознать систему профессионального медицинского обучения в Израиле, я почти твердо решил, что второй экзамен я не сдам – не потяну. Не по Сеньке шапка –

уж больно трудно шел язык, да и всё остальное тоже не очень легко. Но постепенно я вошел во вкус и стал штурмовать этот бетонированный дзот окончательного устного экзамена...

Одолел я его то ли с четвертой, то ли с пятой попытки – впрочем, знаю немало людей, ходивших на этот экзамен и дольше. Однако немало и сдавших его с первого раза.

К устному экзамену лучше готовиться не в одиночку, а с кем-то вместе.

На это раз мне очень повезло. Моя Боевая Подруга была настроена очень серьезно – мы идет сдавать, и никаких! Надо сказать, что учиться она умела, памятью обладала блестящей, но ее сковывал страх, и из своих неудач она делала только один вывод (совсем как несчастный Конь на оруэлловском хуторе): «надо учиться еще больше».

Словом, мы сидели и учили, и учили, и учили – часов по 10–12 в день. В тот момент, когда я почувствовал, что тронь меня пальцем – и из меня забьет кофейный фонтан, я стал глотать психостимулятор – он тогда практически свободно продавался в аптеке, на мое счастье. Прямо в канун экзамена он исчез – видимо, я скупил все запасы этого вещества в нашей стране.

На каком-то этапе мы сообразили, что моей жене, обычно отвозившей меня на экзамен, и так достаточно досталось, и нечего ей туда со мной ездить. Поэтому на экзамен со мной отправилась Машка, тоже моя коллега, которой вскорости самой предстояло преодолеть тот же барьер (что она, кстати,

красиво и сделала с первого раза).

При входе, у ворот больницы, где должен был состояться этот «праздник знаний», я встретился с Боевой Подругой. Настроение у нее было самое решительное, примерно как у матроса Железняка, разгоняющего Государственную Думу. «Мы идем сдавать!»

В самом начале своего рассказа я уже писал о том, что с ней стало после первой части, а тогда показалось – ну просто кремень! «Рука зажата, в руке – граната!»

Вряд ли я бы прошел допинг-контроль перед экзаменом – мне кажется, что на каждый рецептор, который мог привести меня к желанному результату, было оказано соответствующее цели воздействие.

Интересно, что кто-то из экзаменуемых еще мог есть – там стоял стол с кофе, чаем и всякой легкой ерундой. Экзаменуемая нас профессура что-то ела и пила – ну да, почему бы ей не попить кофе перед предстоящим кровопитием? До сих пор вид нашей профессуры, пьющей кофе, вызывает у меня в душе состояние смутной тревоги – видимо, сцена профессорского кофе/чаепития намертво в моем подсознании связана с этим экзаменом.

На первой, психотерапевтически-психиатрической части, где надо было рассказать о проделанной тобой психотерапии, а потом тянуть два билета с вопросами на общепсихиатрические темы и сразу на них отвечать, я попал к двум экзаменаторам – весьма и весьма пожилым людям: мужчине и

женщине, старичку и старушке.

Если кто-нибудь помнит фрейдовский «Случай с Анной О.», то у меня тогда возникло ощущение, что передо мной сидит та самая Анна О., сама ставшая психотерапевтом, и задает мне ехидные вопросы. Одетый в пиджак и рубашку с короткими рукавами (на самом первом экзамене я был в «счастливом» галстуке моего приятеля, но уж очень было душно), я вскорости, извинившись, сбросил пиджак – становилось всё жарче и жарче, потому что Анна О. вцепилась в меня сенильной хваткой. А мозги на психостимуляторном запале особо долго работать не могут – после этого запыла, наоборот, наступает откат, и, как ни называй этот препарат «препаратом для студентов и стареющих актеров», есть у него недостатки, и немалые. Старушка же вцепилась в меня с вопросом типа «сколько лет длилась Столетняя война», и я размазался и стал цитировать источники: А. считал, что сто два года, а Б. – девяносто восемь. Но ни А, ни Б. Анну О. (назовем так условно моего экзаменатора) не устроили, и перестала она меня терзать, только когда сама гордо ответила, что эта война длилась сто лет, оттого ее и называли «сто-летней». А я потратил на эту догадку столько сил!

А вопрос был такой: чем отличается эготерапия от селфтерапии?

Нужный ответ бы таким: в центре эготерапии стоит эго, а в центре селфтерапии – правильно – селф!

А меж тем пришло мне время идти на вторую часть, и

меня буквально выволокли от разговорчивой старушки и молчаливого старичка и поволокли по коридору дальше, где блуждала в поисках места экзамена растерянная и пришибленная Боевая Подруга. Впрочем, я и сам наверняка имел диковатый вид.

Пройдя сам психотерапию, я научился расслабляться настолько, что как-то успешно «усыпил» себя в перерыве между экзаменами, чем, мне кажется, слегка потряс окружающую публику: вокруг шум и суета, как внутри пчелиного роя, а посередине всего этого кто-то относительно безмятежно спит.

Но на этот раз мне особо поспать не дали.

Вторая часть экзамена представляла собой беседу с больным, а также ответы по билетам, так же как на предыдущей части, только там были вопросы по психиатрии, а тут – по неврологии.

Как раз накануне я в очередной раз ездил тренироваться проводить такую беседу. Конкретного пациента не было, и тренирующий меня приятель изображал больного сам – надо сказать, очень талантливо. Но случая, который он тогда придумал на ходу, как мы потом оба решили, на экзамене быть не должно. Изобразил он чудовище, наркомана и безумца, к тому же умственно отсталого, которого должны судить за нападение на человека, и он сейчас находится в больнице для экспертизы.

Теперь я позволю себе литературный оборот «сколь же ве-

лико было его изумление» – так вот, сколь же велико было мое изумление, когда представленный мне случай оказался идентичным (если не хуже) вчерашней фантазии моего приятеля! Только он изображал мужчину, а передо мной была женщина, умеющая на пальцах считать до пяти – именно столько мужчин, с которыми она находилась в разное время в интимных отношениях, она ударила ножом. Может, умей она считать, скажем, до десяти, случаев было бы и побольше – но тут, как говорится, «что на витрине, то и в магазине»! К тому же она вовсю глотала наркоту, и слышалось ей и виделось, с наркотой и без, достаточно много того, что здоровым видеть и слышать не дано.

Беседа была рассчитана на 45 минут, и многочисленные тренировки уже научили меня чувствовать этот отрезок времени, к концу его постепенно «закругляя» беседу. Но интервьюированную, видимо, сопровождающие забыли забрать. Надо сказать, что заканчивать беседу словами «спасибо большое, я всё спросил» у психотерапевтов считается дурным тоном – пока пациент говорит, надо продолжать беседу. А спрашивать-то уже, по сути, нечего – ей сказано всё, что мне необходимо для предположительного диагноза, плана лечения и прочего. И стал я ее спрашивать о детстве, о братьях и сестрах – практически по второму разу, так как девушка мне уже рассказала, кто из ее многочисленной родни в какой тюрьме сидит и кто в какой психбольнице постоянно лежит. Наконец – спустя час – ее увели, и на меня надвинул-

ся невропатолог. На билет-то я ответил, но с каждым словом ощущение, что остатки разума покидают меня, становилось всё сильнее и сильнее. Вдруг какая-то очень знакомая тень промелькнула в окне первого этажа, на котором шел экзамен, – подруга Машка (не путать с Боевой Подругой!) нашла мою пыточную камеру и незаметно встала за окном сбоку, чтоб слушать мой позор.

«Во всё время разговора он стоял позадь забора».

От вопросов я как-то отбрехался. И тут невропатолог задал мне дополнительный вопрос – представь, говорит, что ты – армейский врач-невропатолог (это я-то, в мои 50 лет!) и пришел к тебе солдат с таким-то набором симптомов – что это, и что с этим делать? Самое интересное, что я сообразил, о чем идет речь, – о болезни Вильсона, связанной с отложением меди в нервной системе! При ней еще специфические кольца на радужной оболочке глаза образуются. Всё это я и выпалил невропатологу.

–

Хорошо! – сказал невропатолог. – А куда ты его дальше отправишь?

–

К невропатологу! – ответил я ему, страшно гордый тем, что в конце четвертого часа экзамена могу произнести такое сложное слово.

–

Но ты сам армейский невропатолог!

Так куда?

—

К терапевту, — говорю.— А зачем ему терапевт?

—

Тогда к невропатологу (надо же — опять выговорил!), ах да, я же сам невропатолог!

Тогда — к терапевту!

Словом — я оказался посильнее, чем профессор Плейшнер, и окулиста не выдал! А именно он должен был подтвердить диагноз, увидев характерные зеленые медные кольца на радужной оболочке глаз пациента.

На этом экзамен закончился. Предстояло мучительное ожидание оглашения результатов. В этом ожидании приходилось томиться несколько часов, пока комиссия решала твою судьбу и писала что-то к книге судеб — то бишь в твоём экзаменационном листе. Провалившие меня на любви дамы написали, например, что завалился я оттого, что у меня недостаточно базисных психиатрических знаний и я недостаточно «пообтерся» в психиатрии.

Если кому-нибудь приходилось делать домашний творог способом «отбрасывая на марлю», то он может себе представить, как я ощущал свои мозги — как нечто, отброшенное на марлю и выжатое до последней капли медиатора из каждого рецептора.

Итак, вся группа сдававших, глубоко погруженная в себя, молча сидела на крыльце какого-то флигеля и ждала ре-

зультатов. Во флигеле заседала экзаменационная комиссия. Для оглашения результата каждого экзаменуемого приглашали во внутрь.

Вдруг у одной из ожидавших случилась истерика – она просто закрикушествовала: «Ах миленькай! Ах родненькай!» – и еще что-то, но ее быстро заткнули.

В воздухе носились какие-то слухи – сколько человек прошло, а сколько нет, но вникать в это не было сил.

Когда позвали меня, председатель комиссии, глянув на мою рожу, пощелкал в воздухе пальцами. Я проследил за ними взглядом. Затем он пару раз это жест повторил. Я меланхолично продолжал за пальцами следить.

–
Ты сейчас не завалишься? – спросил он.

–
Нет, с чего бы? – деревянным голосом ответил я.

–
Ты ж прошел!

–
Ура! – не менее деревянно сказал я.

Как-то у меня спросили, что я чувствовал, наконец всё сдав, и я ответил – приблизительно то же самое, что брат Гасана Хоттабыча – Омар, которого слегка передержали в оригинальной упаковке.

А что же было со мной потом? После сбычи мечт?

Очень долго я мечтал, прямо как в детстве, – «вот вырасту

и стану большим»... И работа станет как бы консультативной, и не будет дежурств!

А получилось по-иному. Дежурства действительно прекратились. Но как я сидел в кабинете «диспансера» и принимал больных ДО, так принимал и ПОСЛЕ. И зарплата не выросла.

Потом нашего брата – старших врачей – стало много. Потом очень много.

А еще позже случилась забастовка врачей, и большие привилегии получили как раз те, которые ДО, то есть еще не сдавшие экзамены, – например, привилегию уходить сразу после дежурства, а также свободно уходить с работы на разные курсы и семинары.

Надо заметить, что общий объем моей работы не уменьшился, даже, я бы сказал, возрос.

И родилась у меня грустная фраза: «Кто такой мумхэ? Это доктор, который всё сдал и ненадолго почувствовал себя счастливым».

Как-то в разговоре с коллегой я спросил:

–

Тебе не кажется, что та морковка, которую повесили перед носом того самого ослика, оказалась из папье-маше?

–

Да, – ответил коллега, – показалось, но самое печальное – что ее забили ослику в жопу.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ПСИХСАРАЯ

Поскольку все события и люди, в них описанные, могут оказаться похожими на подлинные, сразу замечу – все совпадения с реальной жизнью случайны.

Симтаот – «город развития». Название – буквально «Переулки». Я бы назвал город «Тупики», но на иврите это слово звучит невыразительно.

Вот что написано в Интернете об этом городе: годом основания С. считается 1951-й, когда здесь стали селиться в палатках выходцы из Ирана и Курдистана, находившие случайную работу в основном в сельском хозяйстве. Позже в него влились репатрианты из Северной Африки. В последующие годы население С. страдало, страдает и будет страдать (курсив мой) от безработицы ввиду отсутствия промышленной базы и лени (снова курсив мой). Ныне в С. имеются предприятия по сортировке и упаковке пищевых продуктов, металлообрабатывающие, текстильные и другие фабрики.

С началом *алии* (если кто-то не знает значения этого слова – то *алией* называют возвращение еврея на историческую родину) из СССР, а затем из стран СНГ 1990-х годов в С. начали селиться репатрианты из этих стран. Вначале это были преимущественно пенсионеры, привлеченные дешевой жилой, но вскоре к ним присоединились представители научно-технической интеллигенции в связи с открытием в

городе так называемых «технологических теплиц».

С начала развязанной арабами террористической войны против Израиля (с сентября 2000 г.) С. периодически подвергается обстрелам. Израильская армия проводит превентивные операции.

В настоящее время население города – 27 000 жителей (2020 г.), более половины из них составляют новые репатрианты из стран бывшего СССР, репатриировавшиеся в Израиль в 1990-х годах.

Последний номер истории болезни в Центре психического здоровья города в описываемый мной период был 1530, при этом важно отметить, что наш Центр не лечит наркоманов, алкоголиков и умственно отсталых – они наблюдаются в других учреждениях.

А психиатр в С. в течение многих лет был всего один, да и тот на полставки. Этот психиатр – я. Учреждение мое называется Центр психического здоровья.

В той, прошлой своей советской жизни я так же работал в Центре психического здоровья, так что, считай, с переездом в Израиль для меня почти ничего не изменилось, так сказать, махнул баш на баш. Разница между центрами, конечно, есть. В Москве Центр располагался в многоэтажном здании – а в С. он занимает трухлявое одноэтажное здание, иначе как сараем и не назовешь – этакий «психсарай». В плане практической пользы – оказания реальной помощи больным – оба учреждения вполне сопоставимы. Во времена, когда я только

начинал в этом Центре работать, мне казалось, что жители С. просто «на лицо ужасные, добрые внутри». Теперь я уже так не думаю. Население города асимптотически стремится к поголовному психиатрическому учету.

Как же мне хочется иногда, чтоб тьма, пришедшая со Средиземного моря, поглотила ненавидимый психиатром город.

Как мы там работаем

Что является визитной карточкой заведения? Правильно – приемная и секретарша.

Итак, что видит пациент после того, как постучит в железную дверь нашего Центра? Обысканный металлоискателем охранника, он попадает в «предбанник». Сразу слева в предбаннике – конторка охранника, а за конторкой в стене прорезана дырка-иллюминатор, из которого валит дым самых дешевых сигарет «Бродвей» (вонючий до крупозного кашля) и доносится пение, довольно громкое, мерзкого местного шансона – он поет из компьютера придавленным голосом глиста, вылезавшего на звук дудочки понятно откуда, как змея из корзины у факира... Привожу стандартный текст стандартной песни этого певца: «Дай мне только поцелуууууй!»

Этот «поцелуй» приходится слышать практически на протяжении всего рабочего дня.

Почти сразу за дымом в иллюминаторе видна оплывшая как свечка и растекшаяся по креслу всеми своими 130 кг секретарша Яфа (ее имя в переводе с иврита – «красавица») с колодой засаленных карт в одной руке и с телефонной трубкой в другой.

Яфу называют «эта самая в иллюминаторе». Название навеяно словами песни «звезда в иллюминаторе, звезда в иллюминаторе».

Ну, а дальнейший ход мысли хорошо понятен – есть иллюминатор, и песню испортить жаль, а Яфа – явно не звезда, ни с какой точки зрения, а с чем легче всего рифмуется слово «звезда»? Со словом «эта самая»!

Руководит учреждением доктор Фоц – дама, видов, возрастом и профессиональными навыками близкая более всего к Бабе Яге – ее средневропейскому варианту. Седая, под машинку стриженная голова, короткая, мышинным хвостиком косичка сзади. Одета в трансильванский, ручной работы, половик.

Как и я, доктор Фоц училась здесь на психиатра, но по лени своей не выучилась и аттестационных экзаменов не сдала. А я начал работать в этом Центре в 1995 году – именно в том, когда Фоц уволили из больницы как не сдавшую экзамены и, пожалев, поместили в С. Зарплату ей платит городская управа, эпизодически вспоминая, что не дурно бы ее уволить. Каждый раз, когда это происходит, Фоциха надувает щеки и начинает громко орать: «Яфа! Найди мне Арика! (имеется в виду тогдашний глава правительства Ариэль Шарон!). Шарон был лихой генерал, но Яфы боялся, как и всё живое, и всё шло по-старому.

Несданные экзамены привели малограмотную Бабу Ягу к тяжелому комплексу неполноценности, а меня, сдавшего за эти годы экзамены, – к игре в «Начальницу Фоц». Смысл игры – она как будто мной руководит, а я как будто принимаю это всерьез.

Обе эти дамы – Фоц и Яфа – на работе очень энергично не делают ни-че-го. Что их сближает – дочь европейского профессора и дочь неграмотных марокканских родителей? Я думаю, что общие черты характера – обе большие стервы, лживы, льстивы и прожорливы.

Яфа, правда, глупа до блеска. Фоциха – так же неумна, но первоклассная интриганка, и обе дамы – отчаянные сплетницы.

Ох, рано встает охрана!

При входе, вооруженный металлоискателем, стоит (сидит или послан Яфой за сигаретами) охранник.

От него многое зависит – вовремя сориентироваться, принять решение, успокоить разбушевавшегося, позвать полицию... Охранник во многом определяет лицо учреждения. Его работа – охранять себя и нас, а также прочих сотрудников учреждения от разных возможных неприятностей – от теракта до скандала.

По правилам, он не должен покидать своего места у входа – разве что отойти в туалет.

Но каждого новенького быстренько обламывали и заставляли быть у Яфы на побегушках: раскладывать истории болезни, отвечать на телефонные звонки и, разумеется, бегать за сигаретами «Бродвей» в ближайший ларек.

За годы моей работы сменилась чертова уйма охранников: дело в том, что охранник – лицо наиболее уязвимое, его легко выгнать, легко заменить другим таким же, и происхо-

дят битвы между коалицией Фоц-Яфа и компанией, подрывившейся охранять психсарай. Разумеется, отношения между этими инстанциями отвратительные – впрочем, трудно сказать, кто в состоянии долго ладить с коалицией. Фоциха запрещала нам общаться с реабилитационным центром, с которым разругалась вдрызг, и с ею же организованным кукольным театром. Как объясняла она нам, своим сотрудникам: «Все они психопаты».

Наши охранники были очень разными – были среди них молодые и не очень, крупные и задохлики, умные и не особенно. Но один из них служил полным и органичным дополнением к существующему абсурду и вносил в общий симтаотский фейерверк похуизма, густо замешанного на кретицизме, свою мощную, искрящуюся, огненную струю.

В советский, а потом и украинский период своей жизни он работал таксистом, да так преуспел на этом поприще, что был выбран в секретари комитета комсомола таксопарка и его портрет красовался на Доске Почета автопарка.

Охранник – работа скорее для молодых, но бывшему таксисту было под пятьдесят, и случись ему применить в экстремальной ситуации силу для того, чтобы спасти сотрудников психсарая или себя от смерти или увечий – в психиатрии ведь все бывает, – у него были бы большие проблемы. С таким пузом дотянуться до кого-нибудь было практически невозможно. Как он в туалет-то ходил?

Но с его беспомощностью в случае экстремальных ситуа-

ций я как-то легко примирился – случись что, я бы как-нибудь отбился, а может, даже бы его вырвал из цепких лап. Беда была в том, что он говорил, и говорил беспрерывно. Общение его носило вынужденный интерактивный характер. Он очень любил спрашивать, что называется, в форме «закрытого вопроса», и непременно требовал ответа.

Например, тыкал меня в бок и бесконечно повторял: «Ну скажи, ведь верно, что все израильтяне идиоты? Ведь правильно?»

Дешевле выходило сказать да.

Это могло длиться часами.

В Израиле ему нравились только прогноз погоды (довольно точный) и кладбища (хоронят быстро и бесплатно).

А как-то он ворвался ко мне в комнату в радостным изумлением:

–

А у нас есть история под номером 666!

–

Ну и что? (Действительно, ну и что, подумаешь, чудо, когда общее количество пациентов давно перевалило за тысячу.) – Но ведь это дьяволово число!

Симтаотский психсарай напоминает дом второго поросенка из сказки – здание пронцаемо во всех направлениях, что особенно приятно, когда идет обстрел города ракетами. Но что там ракеты, здание пронцаемо и для кошек – они регулярно падают с чердака нам на голову. Иногда приносят

и пользу – кто-то из кошек смачно нагадил на кресло Яфы.

Почему-то сомнительной привилегией выгонять кошек-нарушителей за дверь охранник наделил меня.

–

Ты у нас специалист по кошкам!

–

Хорошо, – отвечал ему я, – согласен. Меняемся обязанностями. Ты принимаешь больных, а я гоняю котов!

Охранник воспринял мое предложение совершенно серьезно и почему-то не согласился.

И вот в один прекрасный день ползу я по полу, чтобы заглянуть под шкаф с историями – а не затаился ли там с ночи кот, а в спину окончательно растекшаяся по креслу (вонючему-превонючему, помеченному котом) Яфа лениво цедит мне вслед:

–

Достань-ка такой-то номер истории.

И обидно мне стало – дальше некуда. Сел я на пол и сказал им, что все-таки я доктор, мое дело – лечить больных, а не гонять котов и носить секретарше «номер такой-то».

Но я был не понят – на мои слова просто никто не обратил внимания.

А охранник у нас – с высшим образованием; работая в таксопарке, без отрыва от производства закончил технический вуз. И Яфа отличницей закончила вспомогательную школу. Мне кажется, что именно разница в полученном ими

образовании каждый раз ввергала Яфу в состояние экстаза, когда, прищелкнув пальцами, она отдавала команду «Алекс! Несс!» (было очень похоже на команду «Пиль!» охотничьей собаке), и тот срочно несся на кухню готовить ей растворимый кофе. Боялся он Яфы до икоты, Фоц – до обморока, клиентов – до шока. Единственно, кого он не боялся, – это, увы, меня, и как только образовывался в потоке больных короткий перерыв – мне б воздуха вдохнуть! – он врывался в кабинет с рассказом о своих многочисленных несчастьях и просьбой за него куда-либо позвонить – и в рита (он произносил это слово с ударением на первый слог) он лет за восемь в стране не выучил – потому что не ходил в ульпан, а в ульпан он не ходил, так как сэкономил деньги на автобус...

А потом я целый месяц болел пневмонией, и, когда вернулся на работу, его уже там не было.

Как я ехал на работу

Я плохо ориентируюсь, могу сто раз проехать по одной дороге, а на сто первый – запутаться. Естественно, что в голову мне пришла мысль об электронном навигаторе, который называется GPS. Но вдруг я с ним не справлюсь? Для тренировки я решил поехать с этой штукой по известному маршруту на работу в город С.

Включил себе и поехал. Выезжаю на шоссе, а GPS мне и говорит вполне человеческим голосом на хорошем иврите: «А теперь поверни налево», а слева – сплошной металлический барьер. Я еду дальше, слева от меня тянется всё тот же барьер, а прибор продолжает: «А теперь развернись, а теперь развернись», – и тут я догадался, что подсознательно ввел в прибор СВОЙ адрес как цель маршрута, вот бедный прибор и пытается претворить в жизнь вопль моего бессознательно-го – домой, домой, домой!

Словно лесной пожар

Город моего пропитания Симтаот находится в зоне обстрела ракетами, и оттуда на город сыплются какие-то ужасные железки самодельного производства: одна железка вставляется в другую и поджигается – получается летящая ракета. А потом это с громом и треском падает на улицы города, птицы стаями срываются с деревьев, а люди стаями же бегут ко мне в психсарай. При этом – диалектика! – не было бы ракет, не было бы и компенсации от властей за психологический шок.

Иногда мне кажется, что ракеты палестинцам покупает Фоц – по крайней мере, обстрелы каким-то таинственным образом связаны с днями ее полочки. Словно цель обстрелов – показать городским властям, что она не зря получает зарплату. Не было бы этих болванок, падающих с неба, не отстегнуло бы государство 12 миллионов долларов на помощь пострадавшему населению. Впрочем, есть отдельные индивиды, бегущие из Симтаота в Германию и трясущие там фотографиями Хиросимы и Нагасаки в доказательство невозможности их дальнейшего проживания в Израиле и в свете пережитого ими просящих поскорее предоставить им вид на жительство.

Источников дохода в городе С. мало, рабочие места ограничены, а те возможности работать, которые есть у населе-

ния, непопулярны. Почему-то в стране исхода женщины в основном работали в качестве контролеров ОТК, а мужчины – «в торговле», поэтому «завод фабрик работать» никто особенно не рвался. И вообще, многие жители города знают, что пальцев на руке – пять, только всё время забывают, на которой.

В народных глубинах, я думаю, ходит такой разговор – один бывший работник торговли говорит другому бывшему работнику: «Пады психиатыр, скажи ему туда-сюда, нерви, мол. Братишк мой психиатыр хадыл, сестренк хадыл – и оба дэнги палучил». При этом надо учесть, что бывший советский человек слова «нет» не понимает, для него это слово просто непонятно – так как «нэт» на старосоветском местном диалекте переводится как «дай» – «дай мне деньги, и будет тебе “да”», – то есть как предлог выманить взятку. А денег на взятку нет.

А нужна ему «справк», чтоб никогда в жизни работать не пришлось. А если и пришлось, то «по-черному» – числиться инвалидом или, как говорят в городе С. про прекрасный неработающий пол, «инвалидкой» и где-то тайком подрабатывать.

Если он не получает требуемое немедленно, то начинает злобно, монотонно нудить: «Вы мой врач, вы мне должен». Потом начинает орать. Вслед за этим начинает орать громко. Потом происходит вынос скорбного тела из медицинского учреждения.

Мой коллега придумал, как реагировать на это «должен». «Должен, – говорил он, – это когда что-то взял и не отдал. Что я у вас взял?» Многих такая постановка вопроса смущает, но отнюдь не всех.

Мое описание быта и нравов местного дурдома будет неполным, если я не расскажу, во-первых, о типичном местном анамнезе – оказывается, всех девушек в возрасте лет пятнадцати в стране исхода крадут, и, когда отец украденной идет выяснять отношения с обидчиком, его, оскорбленного, обливают бензином и сжигают. Явления эти, я имею в виду сожжения отцов, часты и повсеместны, как костры средневековой инквизиции в Европе. Так что, если случится после захода солнца лететь на самолете над теми местами, внимательно смотрите вниз. Увидите костры пожарищ, знайте – это горят отцы.

Народная галлюцинация

И еще надо рассказать о «Черном человеке», который стоит у бывших контролерш ОТК за спиной. Непонятно, что он за спиной у этих несчастных делает и почему не нашел себе в жизни другого, более достойного занятия, чем пугать несчастных дочерей сожженных отцов. Но факт остается фактом – Черный человек сильно размножился, его видели многие, и он безнаказанно в ночи творит свое черное дело.

Черный человек: миф или реальность?

Принято считать, что Черный человек – это глупости, которые несет примитивная тетка, желая доказать врачу свое безумие.

Художница Валя (о ней будет чуть ниже) даже нарисовала триптих: кладбище, на нем стоит могила ее отца (который действительно умер). Эта могила в центре картины, слева – могила самой Вали (пока еще весьма живой, до ста двадцати ей), а справа на могильном камне нарисован черный злоеущий силуэт, черты лица которого, правда, довольно вняты – до возможности его дальнейшего опознания. Это и есть фоторобот знаменитого Черного Симтаотского человека – сокращенно ЧСЧ.

Как-то обычным рабочим утром раздается телефонный звонок от социальной работницы, который начинается сло-

вами «А Кувшинникова Ада»...

Я перебиваю ее – уж больно начало разговора стандартное – и заканчиваю начатую ей фразу: «...опять забыла застелить кровать!» Стандартный разговор о стандартной больной. Видимо, еще не потеряна надежда, что я всё брошу и пойду стелить Аде кровать.

–
Нет доктор! Ее пытались изнасиловать!

–
Кого, Кувшинникову!?

Девушке Кувшинниковой слегка перевалило за шестьдесят, оба оставшихся зуба у нее в кучку – словом, та еще сексапилька.

Но, видимо, трудно удержать ретивое!

Я велел ей срочно ко мне прийти.

Пострадавшая описывает Черного человека, во тьме ночной проникшего к ней и домогавшегося ее, причем успешно.

Не могу понять, правда это, вымысел или просто бред.

Звоню приятелю – в прошлом психиатру, а ныне трудящемуся полиции; ему кажется, что все рассказанное – попросту болезнь. И мне тоже так кажется.

С тем ее и отпустили. А еще через пару дней приходит полицейский в штатском, принятый мной за пациента, приносит большую папку с документами и говорит мне, что обидчика-то поймали, – и показывает его фотографию. Зовут его, скажем... Впрочем, это лишнее – вышел он намеренно из тюрь-

мы и его снова потянуло на старое...

Так в Симтаоте материализуются галлюцинации.

Откуда у парня симтаотская грусть. Часть первая

Грустно мне – сегодня город моего пропитания Симтаот вступил со мною в сношения с особым цинизмом. Меня все учили, как жить и как лечить.

А я этого не люблю, признаться. Вспомните из детства: «Не учи ученого, а съешь коту моченого» (кота жалко, но для такого случая – пусть, как исключение).

Сначала позвонила юная семейная доктор – голосом молодым и задорным – и попросила вылечить кого-то, кого я ранее видел, на что я сказал, что не всех и не всегда можно вылечить. Юная доктор директивно отправила меня посоветоваться с кем-нибудь – если уж я не знаю, что делать, – и вылечить больную. Мне подумалось словами Боцмана из «Оптимистической трагедии», произнесенными голосом артиста Андреева: «Я бы советовал тебе не советовать». Но я сдержался, и сказал, что Единственный, с кем я советуюсь, скажем на иврите, «ло замин ка эт», попросту – занят. Есть у него на небесах дела и поважнее. На том и расстались.

А потом пришла к Айболиту лиса: «Ой, меня укусила оса!» – то есть приперлась госпожа Ш. и стала орать, что мужу ее, г-ну Ш., требуется лекарство, название которого она не знает, но чтоб тут же выписали! Главным аргументом

необходимости этого действия выдвигалось то, что у нее дома четыре умственно отсталых внука. И вдруг я вспомнил, что в таких случаях говорила Анастасия Ивановна, учительница первая моя – когда кто-то говорил, скажем, про тетрадь или дневник «я дома забыл»: «А у меня дома два кота!» «При чем здесь коты?» – заорала Ш. А при чем здесь внуки-дебилы?

Оттуда у парня симтаотская грусть. Часть вторая

Но на этом приключения не закончились. Пришел зубастый абориген: два больших верхних клыка, как у графа Дракулы, и один – внизу.

Зовут его то ли Ебибай Заебаев, то ли Заебай Ебибаев – в общем, хорошо зовут, как надо. Он совершенно в своем уме, жалуется на приступы тревоги – штука неприятная, неопасная, но мучительная и, к счастью, неплохо поддается лечению. Пациент – интеллигентный человек, играл на народных инструментах (вспоминается всё тот же антисемитский анекдот: «Где два еврея – шахматный турнир, где три еврея – ансамбль народных инструментов»).

Почтенный всегда ко мне ходил с тем, что ему плохо, но лекарств никаких принимать он не хотел, а я должен был говорить ему в ответ: «Ну Ебибаюшка, ну пожалуйста, ну откройте хлебалушко, но положите туда таблеточку!» А он, потупив глазки, отвечал: «Не буду!» и, кокетливо поводя плечиками, добавлял: «Что я знаю, вдруг от лекарств мой печенк-селезенк плохо будет?»

В этот раз я тоже сказал, что особого смысла в наших встречах не вижу, вследствие того, что почтенный не выполняет моих указаний. И народный музыкант стал на меня кри-

чать, что я как врач ему должен, а если не так, то он мне туда-сюда.

Я в подобных ситуациях бывал и ранее – обычно я вызывал ох ранника, но сейчас охранник отсутствовал, так как был традиционно послан по делам секретарши – кажется, за сигаретами.

А дяденька всё орал и орал: «Тебя зарежут – у меня родственники сущие звери!»

Вообще-то, это слова серьезные, зря ими не бросаются, и если о ком-то говорят в городе С., что он «сущий зверь», то к этой характеристике нужно отнестись с вниманием и пониманием.

Словом, скандал был славный, – но не могу себе простить остроумия за дверь! Только когда он всё-таки ушел, в голове у меня что-то щелкнуло: если я –врач и что-то ему должен, а он-то, как музыкант, соответственно, тоже мне что-то должен, а именно: пусть ходит с барабаном!

Вслушайся – и ты услышишь, как веселый Ебибаев с барабаном вдоль по улице идет!

«Чего тебе еще надо?»

У меня на приеме в кабинете сидят слабоумный старичок и его сопровождающий Миша, в прежней своей жизни – врач.

Раздается телефонный звонок – звонит моя подопечная, художница Валя, та самая, отличившаяся тем, что не только видела страшную народную галлюцинацию – Черного человека, но и умудрилась нарисовать его «фоторобот». Кроме того, она еще стала писать стихи – это случилось с ней после того, как в машине ее сына совершенно случайно нашли наркотики.

Поищите, может, и у вас где-то они завалялись – обычное дело!

Валя не только рисует, она теперь еще пишет стихи и читает их мне – нараспев. Например, такие строки:

Сын моя,

Мне скучно без твоя.

На этот раз Вале, как всегда, нужна какая-то справка – основной вид моего лечения. Стыд на восточном входе у поэтессы и художницы не виснет, ее выгоняешь в дверь – она лезет вслед за тобой в туалет. Буквально.

Телефонная беседа длится с перерывами минут двадцать, мне звонят Валина дочь, Валина «свекровка» и прочая родня. Все просят писать в тюрьму, чтобы сына освободили, так

у его мамы от этого «нервы», и основной аргумент – «мне очень надо, а вы говорите “нельзя”».

С трудом закончив разговор с Вале́й, я возвращаюсь к старичку и его сопровождающему.

–

Ты чего, – говорит мне бывший доктор (мы ровесники, давно знакомы и поэтому на ты), – зачем так сердиться, ты ж просто на работе, надо ко всему относиться легче!

–

Сейчас я тебе всё объясню, – отвечаю я. – Несомненно, ты прав, грех сердиться, но пойми – эта дама получила благодаря мне стопроцентную инвалидность, не без моей помощи

–

почти задаром – получила машину, сын оформлен у нее шо-фером...

Во время моего монолога лицо Миши заметно багровеет, по лбу начинают тянуться тучи...

–

Смотри, ты сам злишься!! – почти в восторге закричал я.

–

Ё... твою мать, что ей еще надо? – стукнул Миша кулаком по столу. – Место в Кнессете?

–

Нет, ей надо, чтобы я написал в тюрьму, где сидит ее сын,

о том, что ей плохо без него и от этого ее психическое состояние ухудшилось, – чтобы его пораньше отпустили.

Кстати, Валя долго говорила мне о «сердце матери», имея в виду свое сердце.

Мне кажется, что сама по себе Валина идея неплоха, обычно в матери много внутренностей – печень матери, например.

Или почки.

Мучительно обдумывая, как можно улучшить помощь не счастному населению, я пришел к мысли, что надо создать универсальный «справк», отрывающийся, как бумага в сортире: «Данным удостоверяется что подателю сего нужно немедленно дать ВСЁ (седло большое, ковер, телевизор – вычеркивать запрещено!), сына освободить из армии (тюрьмы) – тут как раз ненужное надо зачеркнуть, выдать квартиру на первом, втором, последнем этаже (ненужное можно зачеркнуть, а можно и не зачеркивать), снять все налоги, оплатить поездку в реабилитационных целях к родственникам в Германию или в любую страну бывшего СНГ».

Этот «справк» надо поместить в специальный агрегат на входе в наш психсарай – чтоб каждый трудящийся, а также нетрудящийся не беспокоил меня своими страшными рассказами про Черного человека в его последней мутации – «с ужасным длинным красным лицом», а просто: нажал на кнопку агрегата, получил бланк – ненужное зачеркнул, нужное подчеркнул.

А про квартиру на определенном этаже я писал не зря.

Ходила ко мне супружеская пара, причем по такому принципу: «Мы вчера прийти не могли, поэтому пришли сегодня».

На мой вопрос, ходил ли он в кино по такому же принципу, напрягшись, муж мне ответил (привожу текст дословно): «Я тебе такое скажу – дура ты, вот ты кто!»

Им надо было поменять квартиру с четвертого этажа на первый (почему я должен этим заниматься? Я доктор, я лечу, я не квартирное бюро!).

Аргумент обмена был такой: «Она прыгает из окна, жить не хочет, держать приходится. Третий день держу».

Представляется такая картина – она «жить не хочет» и рвется к окну, а он ее держит. Приходит обеденное время – хочется кушать, наступает перерыв, и гимнастическая фигура «девушка у обрыва» распадается. А потом, на сытый желудок, всё повторяется вновь: опять попытки прорыва к окну, опять он ее удерживает из последних сил, а потом вечереет, и надо поужинать и идти спать – перерыв до утра!

Письмо сосалу

В дверь врывается не по декабрьской погоде одетый джентльмен – на голове тибетейка, на ногах сандалии на бо-су ногу, на прочем теле – пиджак со свитером.

Посетитель орет, и очень громко, но без перевода понять его трудно, хотя, с точки зрения самого крикуна, он кричит по-русски: «Я твоя бил завтра, твоя на мест не бил! Мне письмо нужен к сосалу!»

Очень горжусь тем, что сразу его понял.

Джентльмен сказал следующее: «Я был у вас вчера, но, к сожалению, вас не застал. Мне нужно письмо к социальному работнику».

Ненавижу, когда считают, что «доктору нужно говорить всё»

Вы думаете, что доктор – не человек? Что за свою не очень большую зарплату он должен переварить всю исходящую из любых уст информацию?

Причем, как правило, это исходит не от душевнобольных, а от людей достаточно вменяемых.

За короткое последнее время я прослушал рассказ мамы одного трогательного моего пациента о том, как часто и каким способом ее сын занимается онанизмом (с подробностями), рассказ матери второго деятеля, который напоминает то приятное существо из «Космических войн» – зеленое такое, всё время жует, по-моему, Джабба, – о посещении этим существом борделя и неуспехе этого похода, в котором был обвинен я («от лекарств, доктор, он кончить не смог и такой злой пришел!»), и рассказ от первого лица жуткого грязнули, напоминающего друга Незнайки Пачкулю Пестренького, о его бордельных приключениях. «Доктор, я сразу должен сказать, что занимаюсь онанизмом, но мне надоело, и я поехал в ма хон (бордель), и там, конечно, помазать себя она дала» (при этом «мацанье» изображается специфическим жестом).

Спрашивается, за что? Кому и что плохого я сделал? И не

говорите, что «профессия такая», – ни хрена подобного. Для этого сексолог есть!

Конец агента

Уволен охранник. Формальный повод для увольнения – дал «подозрительной» больной зайти в комнату психолога. Больная известна тем, что ворует время – в больших количествах. На самом деле – несчастный парень поработал один день в сходном учреждении другого города, которым руководит злейший Фоцихин враг, прозванный Фоцихой «Барракуда».

Фоцихина контрразведка доложила о том, что охранник «слил» Барракуде какую-то информацию о симтаотском Центре психического здоровья. Видимо, по простоте душевной рассказал правду о том, как работают симтатотские стервы.

А правда, как обычно, для засланных казачков губительна.

С по
имени Операнда

В городе С. жила-была дама с характером, по имени Операнда. Имя ее я запоминал с трудом, и она превращалась в моей памяти чаще всего во что-то музыкальное – то в Аппassionату, то в Токкату. А иногда и в Аллегру.

Годы шли, и женщина по имени Операнда превратилась в одноименную старушку.

Характер ее лучше не стал, а еще подступила вплотную

ранняя сенильность.

И тут муж ее завел себе возлюбленную и решил к ней уйти.

Но фокус не удался – справедливость восторжествовала, Операнда стала болеть – а куда уйдешь от больной?

Ну и выздоравливать, конечно, при таком раскладе Операнде было не резон.

Она стала стонать. Громко. А чаще – очень громко. Из сто нов можно было понять, что ей плохо – голова кружится. «Ой-ой». При дальнейшем расспрашивании «ой-ой» переходило в «бу-бу-бу» или «дю-дю-дю».

На этом этапе с больной случилось неприятное – ее стали показывать профессорам, а в промежутках между профессорами мне приходилось ликвидировать последствия этих визитов – не потому, что профессора дураки, а оттого, что из «бу-бу-бу» и даже из «дю-дю-дю» много информации не вытянешь, а я, поскольку знал эту бабку наизусть, порой мог чем-то ей помочь.

Приходила она к мне с частотой раз в неделю – и это довольно часто в наших условиях, поверьте, – и дело как-то куда-то шло. Как вдруг вместо привычного, возвращенного в семью мужа со старушкой приехали трое.

Как всегда, старичок-муж, при нем толстенный нарциссет лет под сорок с такой же бородкой, как у меня (интересно, кто ему разрешил растить МОЮ растительность на сво-

ем лице?), и женщина, дебелая такая, калибра Федосеевой-Шукшиной, которая отрекомендовалась невестой бородатого нарцисста и социальной работницей (в свободное от исполнения обязанности невесты время).

Пришли они сдавать бабушку навсегда «в соответствующее учреждение, в которые таких берут». Но тут выяснилось, что их план обречен на провал – без желания самой Операнды никуда поместить ее нельзя. Таков закон.

Узнав, что ее куда-то хотят поместить, старушка взвыла, а поняв, что без ее воли я ничего сделать не смогу, взвыла-зарыдала тройка бабкиного сопровождения. Сначала зарыдал муж, тихо, но обильно, потом громко и так же обильно – бородатый нарцисс, затем, обхватив голову жениха, тихими светлыми слезами заплакала невеста – социальный работник.

Операнда прочувствовала всю серьезность проблемы и прибавила обороты – быстро пролетев фазу «ой-ой», она перешла к «бу-бу-бу». Прибавила обороты и семья – сначала бородатый робко стукнулся затылком о стену, и получился дуэт – «бу-бу» – «бом-бом!». Затем своими ударами бородатого поддержал отец, темп и сила ударов нарастали, и к трио – Операнда, ее муж и сын – которое звучало так: «бу...бу...дю...дю..., бом-бом, бим-бом» – присоединилась невеста – она, в отличие от сына и мужа, стучала лбом, но тихонько-тихонько – «тук-тук». Итак, передо мной, единственным зрителем, был уже квартет – «буу...дю....(первая скрипка),

бом-бом (ударные), бим-бом (конги), тук-тук (пикколо)».

А затем я положил бабку в психиатрию, и вся музыка закончилась.

О лекарствах

Есть такое понятие, которое переведено с английского на русский труднопроизносимым словом «комплайность». Справедливости ради надо отметить, что по-русски это понятие переводится тремя словами – «выполнение назначений врача».

Врач рекомендует лечение, а пациент следует рекомендациям врача – в идеале так.

Насколько идеал далек от действительности, показывает статистика – в психиатрии 83% пациентов назначения либо вовсе не выполняют, либо выполняют произвольно.

Поэтому никому не дано знать, чем именно лечится данный больной и лечится ли вообще. Иногда можно проверить, купил ли пациент лекарства, – это максимум.

Ходит, ходит к тебе пациент – и ничего ему не помогает: и грустно, и тоскливо, и руки у него опускаются, и дела нет ни до чего, и даже внуки не радуют.

Стараяешься изо всех сил – меняешь лечение, посылаешь на анализы, – а где-то через год выясняется, что бедняга не принял ни одной таблетки, но доктора расстраивать ему не хотелось, поэтому и уверял его, что принимает прописанные лекарства, да вот толку никакого.

Бывают особенно злостные случаи, когда приводят родственников в большом количестве с большими претензиями

и во время скандала вдруг выясняется, что никто ничего не принимал. Но самое интересное, что пациенты твердо стоят на своем, а компьютер ясно дает знать, что лекарства куплены не были. Но пациент тверд и настойчив – я всё принимал как сказано, и не помогло. Предположить, что можно проверить покупку лекарств, пациенту в голову не приходило.

Ситуация патовая – напоминает двоечника у доски, который упрямо твердит: «А я учил...»

Есть и такой классический сюжет: лекарство куплено, но нужно то, что называется по-английски *second opinion*, а по-русски – «второе мнение о поставленном диагнозе и назначенном лечении». К другому доктору идти – волокита, а вот к соседке или таксисту – куда ближе! И соседка, и таксист дружно говорят, что лекарство – это слишком сильное, и они видели кого-то, кто принимал психиатрические таблетки, и с ним случилось такое, что и рассказать страшно.

Реакцию на это второе мнение предсказать не трудно.

Но если уж лечение начато, то пройти мимо темы побочных явлений (теперь их принято фамиллярно называть «побочки») невозможно.

Когда-то я хотел составить целый список самых невероятных жалоб, но потом понял, что получается Википедия, и дело это бросил. Воображению нет конца – понятно, что треть больных реагируют на плацебо так же, как на лекарство, – в меру их воображения, но иногда воображение бывает очень живым. Даже слишком.

Обычно мне тоном откровения рассказывают, что каждый человек реагирует на лекарство индивидуально (спасибо, что рассказали, – наконец-то я узнал что-то новое для себя в медицине!), и далее идет интересный рассказ, как от таблетки пустырника данный человек неделю был прикован к кровати. А валериана просто парализует. Но ненадолго.

Краткая хроника одного объявленного самоубийства
Июль, Симтаот. Центр страны. Жарко.

Кондиционер работает плохо – как нам объяснили, по той же причине: из-за жары, поэтому прямиком в мою спину дует еще и вентилятор. Неплохо помогает. Жара слегка уменьшила и наплыв страждущих, но ненамного – почти каждую секунду кто-то звонит или приходит. При жаре на два-три градуса меньше частота обращений увеличивается прямо пропорционально снижению температуры.

Очередной звонок очередной социальной работницы, которая сообщает мне, что мой пациент по фамилии такой-то сегодня, в 12 часов дня, публично самосожжется вместе с семьей прямо напротив здания ирии (мэрии). Проблема его состоит в том, что у него нет квартиры и она ему не полагается, снять квартиру он не может, так как у него настолько болят спина и нервы, что работать не в состоянии. Всё-таки в обход закона квартиру на четверых человек – самого г-на такого-то, его жену и двоих детей – дали. Но двухкомнатную. А ему нужна трехкомнатная, он же в армии служил, значит,

власти ему должны. Таким образом, такой-то оценил свою жизнь и жизнь своей семьи в одну комнату.

Посмотрел я в его амбулаторную карту – был он у меня два раза, жаловался на тревогу и плохое настроение в связи с тяжелой жизнью. Такая вот тяжелая у него болезнь.

Но так как самоубийство в программе уже заявлено, а потенциальный самоубийца знаком психиатрической службе, пришлось в такую жару тащиться к обещанному костерку, «на огонек», так сказать.

И вместе с коллегой Остроглазом – психологом и социальным работником – мы вышли на площадь. В тот назначенный час. Приблизительно к двенадцати по дороге мы пришли к мысли, что эта проблема – проблема не медицинская, а социальная, а если некто всё же загорится, то проблема тогда уже переходит в медицинскую, но, опять же, не в психиатрическую, а в хирургическую, а в случае максимального успеха затеянно го – становится проблемой патологоанатомической.

С тем и пришли. А на площади людно – плакаты, плакаты, плакаты и лежанки, лежанки, лежанки. А на лежанках – симтаотцы, симтаотцы, симтаотцы. Так люди протестуют против ракетных обстрелов. На лежанках лежит даже какое-то количество населения, моим учреждением неохваченное, но оно заметно тонет в массах населения уже охваченного. Так что можно эту акцию считать медицинским обходом.

На этой площади и разбил наш друг свой шатер – по слу-

чаю жары полог шатра был приподнят, и по зеленым в цветочек трусам, обтягивающим толстую жопу, суицидент был легко узнаваем.

Узнал и он нас, и немного оробел – все же пришли к нему двое мужчин, и каждый из них от природы снабжен аппаратом, легко гасящим любое точечное возгорание. А я, надо сказать, крепко напился с утра чая, а в туалет заскочить перед выходом забыл...

Оробеть-то он оробел, но заранее приготовленной речью разразился: получалось так, что ставить ему кровать в выделенной квартире почти некуда – а как осуществлять «зугиют»?

Для непросвещенных объясню значение термина «зугиют»: «зуг» – это на иврите «пара», а производное от этого слово буквально означает «спаривание», но не просто, а с женой. Для этого акта внебрачных уз существует другое слово.

Тут подошла его жена, и я ощутил даже какое-то сочувствие к главе семьи – выглядела она, как сексапилка-малолетка из рабочих предместий, этакая звезда люберецкой дискотеки из прошлого моего времени. Я понял, что проблема кровати и, соответственно, «зугиюта» стоит остро.

–

Вот именно, – сказало прелестное дитя, мать двоих детей, – некуда кровать ставить, она у нас большая.

Тут подошла социальная работница из городских служб,

и страдалец, лишенный «зугиюта», переключился на нее, а мне бросил небрежно: «Доктор, увидимся послезавтра». Я подумал и решил так – если он передумал убивать себя, то сказанное им означает, что он придет ко мне на прием в четверг. В противном же случае это значит, что я должен помереть до четверга и повидаться с ним мне придется уже в другой жизни, что тоже, конечно, полностью исключить нельзя, но думать об этом как-то не хочется.

–

Ладно, – сказал я ему, – приходи в поликлинику, поговорим. Чем сможем, тем поможем. На том и расстались.

Фотосенситивная бабка

Улица, на которой стоит наша поликлиника, она же Центр психического здоровья, – довольно узкая. Как раз двум машинам разъехаться. Наш сарай стоит немного отдельно, а дальше, вокруг, – сплошные виллы. Вольно, прямо скажем, дышит народ.

И поутру вдруг, с легкостью сметя охрану, в помещение Центра психического здоровья врывается бабка в ночнушке.

Надо сказать, что к появлению людей в самом неожиданном виде мы уже привыкли – как-то открывал я дверь тетке с синим воротником вокруг шеи и с головой, обильно смазанной какой-то дрянью, – оказалось, дама просто следит за собой и в процессе покраски решила отведать психотерапии, так и заявила к нам – с краской на голове. Не пропадать же времени зря, в самом деле! Но ночнушка – это уже слишком, даже для симтаотских простых нравов.

С порога бабка с неистовым акцентом начинает визжать, обзывая всех и каждого, а особенно начальницу мою Фоц. Оказалось, бабка – наша соседка из дома напротив, и проблема состоит в том, что поставленная на улице машина отражает своим стеклом свет бабке в лицо. А она как раз в это время готовит завтрак.

Бабка, конечно, была изгнана из медицинского учреждения, но с каким трудом!..

Добро всегда побеждает зло

Была у меня под наблюдением девушка – волевая, с богатой фантазией и очень целеустремленная. Цель в жизни она видела в получении инвалидности, а богатство ее фантазии выразалось в разнообразном изложении событий прошлого.

В ее рассказах традиционно сожженный отец (напомню типичный анамнез жительниц города – девушку крадут в 15 лет, отец идет выяснять отношения с похитителем, его обливают бензином и сжигают) возрождался из пепла, чтобы поставить фантазерке синяк под глазом, а иногда превращался в сраженного бандитской пулей дядю, истекающего кровью у нее на коленях.

Первое наше знакомство состоялось тогда, когда наша уборщица по политическим мотивам перестала убирать психсарай – она была сторонницей другого мэра города. И вот я вижу, как в очереди ко мне сидит неприятная, очень грудастая особа и давится, изображая рвоту, причем делает это так противно, что я непсихотерапевтично сказал ей – как наблюдаешь, так и уберешь! (а то в противном случае убирать мне!)

Поддействовало – «неукротимая рвота» прекратилась.

Девушке этой тридцать с небольшим, а дураков работать в такие годы нет. Но на комиссии по инвалидности тяжестью состояния Грудастой не впечатлились и инвалидность

девушке не дали. Дважды.

Но тут, по словам самой пострадавшей, «ко мне пришел кассам». Кассам – это самодельная ракета, ими обстреливают Симтаот. (Хочется добавить: «И говорит мне кассам человеческим голосом: “Шла бы ты работать, дура!”»)

Но кассам, к сожалению, оказался неразговорчивым, и девушка с новой энергией стала осаждать все медицинские инстанции, утверждая, что после кассама ей стало «савсем плох». Действительно, пережить такое может не каждый – девушка увидела, как кассам упал, и после этого сама упала на жопу (тоже, надо сказать, немаленькую, так что можно девушку называть не только Грудастой, но и Жопастой). Мне так и виделась картина – упав девушка стала скакать как баскетбольный мячик. После этого начались боли в позвоночнике (с таким-то амортизатором!), отнялись «оба нога», случаются потери сознания (которых никто не видел), и поднялся «оба холестерол – один сердечный, а второй – нет» (справедливости ради надо сказать, что этот анализ я видел и холестерол у нее действительно повышен). Кроме того, ей пришлось скрыть всю красоту под темными очками – яркая вспышка взрыва навеки ослепила бедняжку. Но сволочи-врачи ничего, кроме повышенного холестерина, не нашли, а в это время Черный человек к ней зачастил, не вылезал от нее, можно сказать, и ей «сделат с сабой» что-то захотелось, и очень беспокоила слабость. Но лекарств девушка почему-то не покупала, хотя мятую пачку успокаивающего с

собой носила – чтобы показать, какая она больная. Восемь шекелей за три года на лечение не пожалела! Стоимость порции мороженого.

Девушка приходила на прием, когда ей хотелось, всегда без предварительной записи – «мине плох, мине доктор срочна нужен», а ворвавшись в кабинет и проорав жалобы, требовала очередную бумажку. Избавиться от нее было практически невозможно, потому что из кабинета она не уходила – «мине нужен справк». Проблема состояла еще и в том, что она хронически не помнила, кому я должен писать очередной «справк»: «Мине он сказал – принеси от психатр справк», а кто такой на этот раз скрывается под местоимением «он», надо было каждый раз догадываться по новой. Бумаг она от меня унесла чертову уйму – кило два, не меньше, так как приходила за ними чуть ли не раз в неделю. Но сколько же гибло времени зря!

Как-то пришел запрос от адвоката, в котором спрашивалось, чем девушка болеет и насколько, по моему мнению, разрушилась нежная девичья психика от встречи с кассомом.

И отправлял я девушку к заведующей психсараме Фоцихе, решив, что одному жрать это говно как-то запаadlo, надо и с ближним поделиться.

Увидев Фоциху, девушка взвыла волком по новой: «Вы мой врач, вы мне должен!» – правда, надо сказать, песня про «врачебные долги» не нова и слова и музыка известны.

После очередного куплета этой песни я ей обычно говорил, что она меня с кем-то путает – лично я ей ничего не должен. Но в этот раз девушка стала хамить и угрожать, а в это время пришли назначенные больные и перед дверью возникла шумно ругающаяся очередь.

Я сказал, что ничего ей не дам, никакой «справк», и вышел. А девушка тащится вслед за мной, садится посреди коридора и немелодичным голосом орет:

–

Сволочь! Скотина! (это про меня) Справку дай!

Зову охрану – а он, двухметровый югославский дурачок, только глазами лупает. И тут, кудахтая, набегает Фоциха.

–

Ладно, – говорю, – дам я тебе справку!

А она продолжает орать, как сотня ее предшественников до нее уже орала на меня:

–

Я так сделаю, что тебя здесь не будет!

И я ей, как сотне ее предшественников, стандартно отвечаю, что только бы спасибо ей за это сказал, но кто же в этом зоопарке работать согласится?

Отвечать отвечаю и одновременно справку пишу – что, дескать, девушка здорова, как сто быков и корова, и что наблюдаться ей у меня никакого смысла нет (что полностью соответствует действительности). Точка.

Вручаю ей написанное и выдворяю за обитую металлом

толстенную дверь, открывающуюся наружу.

Продолжаю посевную, то есть сею как обычно – разумное, доброе, вечное.

Тут – удар в металлическую дверь: один, второй, третий, и мощный поток угроз – порвать мне рожу, прибить меня, и так

далее, и тому подобное. Это девушке кто-то перевел текст, на писанный мной, и в ней разыграла женская слабость – действительно, человек еле на ногах стоит, холестерол высокий, а как тяжело такие причиндалы (сиськи с жопой) таскать!.. Словом, больная кинулась мне мстить. Горячая женщина в борьбе за существование – за мой же, между прочим, счет: за счет вычитаемых у меня налогов. Такая слабость у нее, а дверь почти снесла! Просто сцена из фильма «Солярис» получилась, где созданный разумным океаном женоподобный фантом с легкостью крушил металл. Мне бы ее слабость на недельку!..

Ну, как водится, была вызвана полиция, куда вскоре уехал и я – давать показания.

Сижу, жду следователя. И тут заходит какой-то полицейский, в чинах и погонах, по виду скорее выходец из Ирака, но я и североафриканцев таких встречал. Смотрит он на меня и говорит: – Ну ты, Мишка, совсем стал того! Своих не узнаешь!

Боже – это же мой тезка Х., московский добрый приятель,

коллега по сионизму!

Вот радость-то! Пятнадцать его не видел! И если б не Грудастая, хрен бы я попал в отделение, где мой друг дорабатывает до пенсии.

Чем же закончилась эта история?

На девушку было заведено дело в полиции и вынесен приказ, запрещающий ей даже приближаться к психсарая. Короче, отлучили ее от дел месяца на два.

А потом я покинул психсарай города С.

Но, как мы помним, у нашей девушки характер был упорный, поэтому после нашего прощания без слез она возобновила штурм психсарая. Штурмовала она его с новыми жалобами, похожими на то, что в авиации называется «флаттер» – мелкая вибрация во всем теле: «у мне все мясо дрожит».

В результате пришедший после меня доктор написал ей то, что нужно, куда нужно и в нужном количестве.

И стала она «инвалидка».

Шин-шин, откройся!

Итак, сидит себе, ну скажем, секретарша Яфа, в иллюминаторе. Перед окном (простите, иллюминатором) иногда проплывают тенями какие-то зануды и что-то просят, но ей некогда. Она застыла у компьютера и хочет послать сыну цветы. А как – не знает! Поэтому она начинает орать в пространство: «Доктор! Доктор!» Прибегаю, а у меня, как всегда, дел навалом, население с криком «нам только справку!» цепью наступает на кабинет. Прямо как каппелевцы в филь-

ме Чапаев – только те наступали молча.

–

Что такое? Случилось что-нибудь?

–

Да, я не могу послать цветы!

Я посоветовал позвонить моей жене – говорю, она тебе мигом все объяснит. Она знаешь, как в компьютерах разбирается! Ого-го! Сила!

Через 10 минут – звонок от моей жены. С претензиями ко мне следующего порядка:

–

А чего ты вообще хочешь от этой дуры?

Она же debilка!

Прежде всего красавица Яфа сообщила моей жене, что она – превосходная секретарша, только английского не знает, а потом добавила, что находится в том месте в Интернете, где сверху написано (при этом дама сделала паузу) «Шин-шин-шин!»

Напрягшись, моя жена поняла, о чем идет речь, – это www, действительно имеющие очень отдаленное сходство с ивритской буквой «шин».

–

А дальше что, после

www

? – спросила моя жена. – Пониже, под «шин-шином»?

–

Там девять, ноль, девять, девять, один...—
Это что, Goggle?

An

-
therapy

Доктор Фоц, начальница психиатрической службы города Симтаот, когда-то прочитала трансильванский букварь под общей редакцией графа Дракулы (в этом факте я уверен почти на 100%), и мне кажется, что на этом ее образование ограничилось, по крайней мере в психиатрии. Проработав лет десять в психиатрическом отделении, она чего-то нахваталась – но единственная ее попытка пойти на первый квалификационный экзамен (после 10 лет работы – а обычно его сдают года через два-три) – окончилась так: Фоц встала из-за стола и громко, на весь зал, сказала: «Безобразие! Кофе не дают, в туалет не пускают!» – и с этими словами она навсегда покинула Храм Знаний.

Шли годы, поколения лекарств менялись, но Фоц была верна теням забытых предков современных лекарств – названий новых она еще не успела выучить. Все известные ей лекарства 1960-х годов заканчивались почему-то на «ан» – «Фенерган», «Артан», «Перфенан», «Лориван». Так родился термин «An-therapy» – как символ уникальных, почти эзотерических знаний, унаследованных Фоц от наших психиатрических предков. Правда, у «An-therapy» есть исключение – что такое «Солиан», который появился относительно недав-

но, Фоц еще не знает, и есть лекарство без «ан», которое она всё-таки она знает, – это «Галидол».

Аллах Акбарыч

Жил в С. обычный житель – среднего возраста, в средней государственной квартире, и получал, как и городское большинство, пособие по обеспечению прожиточного минимума. В общем, почти типичный респектабельный горожанин. Подобно многим таким горожанам, он работал где-то по черному, получая наличными, и налогов, конечно, не платил.

И всё у него жизни шло замечательно, но подвела его тяга к роскоши – купил он машину, и попался на этом. Ведь машина тем, кто живет на прожиточном минимуме, законом запрещена. Это значит, что ты, братец, где-то незаконно работаешь.

И тогда с нашего знакомого лишили пособия. А с этим так: лишить пособия легко, а попробуй восстанови его потом! И обделенный помощью решил сойти с ума, ведь душевнобольным раз плюнуть – и можно получить пособие по инвалидности. Всё же есть в нем какая-то практическая житейская жилка! А что может быть проще, чем сойти с ума? И вот он вышел на площадь напротив полицейского участка, наполовину спустил штаны и заорал:

–

Аллах Акбар!!!

Время было тревожное, шахидов было много, и все – кто

из средств массовой информации, а кто даже из личного опыта – знали, что часто за этим криком следует взрыв. Крикуна забрали, осмотрели в участке, пояса шахида на нем не оказалось, поэтому решили, что дядя безумен, и отвезли его к нам. Сидеть в коридоре он не захотел и куда-то стремился, и, чтобы за ним не бегать, пришлось мне наступить на волочащиеся по полу подтяжки – дядя сделал шагок-другой и вернулся ко мне на дистанцию продуктивной клинической беседы. Но тут он замолчал, глядя на меня совершенно здоровым наглым и тупым взглядом, в котором ясно читалось «я теперь псих, что хочу, то и делаю».

–

Аллах Акбар? – спросил я его.

–

Акбар! Акбар! – радостно завопил он в ответ.

Так начался наш разговор.

А еще через десять минут выяснилось, что болен он серьезным психическим недугом вследствие нехватки денег. Единственное лекарство – возврат пособия.

В результате ничего не оставалось, как сообщить полиции, что в данном случае психиатрии нечего делать. Наш пациент был выпущен на улицу, и долго в полуденной жаре раздавалось:

«Аллах Акбар! Аллах Акбар!»

Так он стал для нас Аллах Акбарычем.

Безобразия эти – со снятием штанов, паданием на пол и

криками про великого Аллаха – продолжались месяца два и всем осточертели. Тем более что сделать с ним ничего было нельзя – вроде бы он не преступил закон, психически здоров, просто изображает безумца в меру своего разума. Но горожане были недовольны – он им мешал.

Дело кончилось так – в очередной раз при большом скоплении публики Акбарыч полез вешаться на фонарь, но то ли фонари перепутал, то ли раскачал тот столб своими предыдущими попытками – короче, в городе грянуло замыкание, и виновен в нем был наш друг.

А замыкание – это уже убытки, это уже деньги. В общем, замели-таки его в тюрьму.

Кажется, там, в тюрьме, пособие ему восстановили – по крайней мере, знакомое до боли лицо теперь просто не слезает с экрана в телерепортажах из С.

Телефонный разговор – Ет Миша?

–

Да, а кто это?

–

Аркадий.

–

Какой Аркадий?

–

С рынка, который мясом торгует.

–

А мы что, так близко знакомы, чтобы сразу и на ты?

—

Да брос, к тебе мой братишк придет, так ти его палечи харашо, тебе будэт бакшиш.

Симтаот – это фирма

Собрались мы как-то в отпуск, и моя жена пошла в туристическое бюро, где ей стали расхваливать коллективный тур – и недорого, и экскурсовод, и маршрут отличный.

–

Нет! – категорично сказала жена, – мой муж ни за что не согласится на коллективную поездку!

–

Но почему?

–

Работа у него такая!

–

Какая такая работа?

–

Он психиатр в Симтаоте.

–

Ой! Беру все свои предложения обратно!

А все потому, что Симтаот – это бренд, как американские джинсы, французские духи или итальянская обувь.

Политические страсти провинции

Как каждое место в Израиле, Симтаот живет напряженной политической жизнью.

Идет бурная война кланов.

Зарплату из городской управы получают около 500 человек, и от результатов муниципальных выборов зависит, какому из кланов получать эти деньги следующую пятилетку.

Как-то на одних из выборов было два основных претендента на кресло мэра города: один – простоватый и наглый хам, а второй – не только хам, но еще и неприятнее предыдущего. Второй как-то навестил наше учреждение и грязно его обозвал, чем обидел весь наш коллектив и наших подопечных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.